

Вопрос о том, кто инспирировал полемическое выступление Хвостова, как кажется, решается однозначно. Его протектором и благодетелем был князь А. А. Вяземский, связь с которым не прервалась и после того, как Хвостов ушел из Сената. В автобиографии графа Д. И. Хвостова рассказывается, что около 1782 г. оба брата по просьбе Вяземского переводили интересовавшие его французские сочинения. По-видимому, между ними существовало своеобразное разделение труда. В числе исполненных работ Д. И. Хвостов называет свой перевод «Трактата о финансах» Неккера: Вяземский в качестве генерал-прокурора контролировал государственный бюджет. На долю А. С. Хвостова оставались литературные сочинения, среди них «Орлеанская девственница» Вольтера.³⁹ По словам Державина, Вяземский «был охотник до романов, и Державин («Объяснения» Державина написаны от третьего лица), поступив к нему на службу, часто читал ему вслух подобные книги».⁴⁰ Однако это литературное любопытство было своеобразным. «Стихотворство» Вяземский в общем считал «праздную забавою» и «говорил про тех, которые писали стихи: „Когда им заниматься делами, когда у них рифмы на уме?“ и вообще он думал, что стихотворцы к делам неспособны».⁴¹ Конфликт Вяземского с Державиным после успеха оды «Фелице» и дальнейшие их служебные столкновения между тем показывают, что дело обстояло не так просто и не сводилось к элементарному предубеждению. Генерал-прокурору прежде всего не нравилось, что благодаря литературному успеху писатель приобретал общественное влияние, а вместе с ним некоторую независимость. В отличие от Екатерины II, умевшей и любившей вербовать писателей на свою сторону, Вяземский в своих отношениях с литераторами не отличался тонкостью, а к литературе в целом испытывал крайнюю подозрительность. Княгиня Е. Р. Дашкова, организатор и редактор журнала «Собеседник любителей русского слова», жаловалась в мемуарах: «Во всякой статье, сколько-нибудь отзывавшейся сатирою, кн. Вяземский непременно видел намеки на себя или на свою жену».⁴² Впрочем, в данном случае у него были основания для опасений. Дашкова, любимая племянница Н. И. Панина (молва даже считала их любовниками), ненавидела Вяземского, и вряд ли без ее ведома появилась в «Собеседнике» «Челобитная» Фонвизина. Современники легко узнали князя в описании «самого знаменитого» из невежд, ум которого «суть жалованный, а не родовой, и по статным спискам всегда справиться можно, кто из них и в какой торжественный день пожалован в умные люди».⁴³ Намек относился к назначению Вяземского генерал-прокурором

³⁹ Русская старина, 1892, № 6, с. 572—573.

⁴⁰ Державин Г. Р. Соч., т. 1, с. 98.

⁴¹ Там же, с. 78, 106.

⁴² Цитируется по переводу в комментарии Я. К. Грота (Державин Г. Р. Соч., т. 1, с. 155).

⁴³ Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2, с. 269.